

Настроение

Хаотично, как у Шнитке партитура,
Вырастает современная культура.
До абсурда доведенное сопрано
Выпирает, как пружина из дивана.
Это нотные линейки Оффенбаха,
Графомания вселенского размаха,
Альманаха анемичное наречье,
Где обыденность обычна человечья.
Треп в антракте о значительности линий
В киноверсии великого Феллини...

Всего-то

Вот и кончен рассказ...
И чего только ради
Я писал без прикрас
О ночном снегопаде,
О сторожке глухой,
Заметенной по крышу,
Где, корпя над строкой,
Чей-то голос я слышал.
Это стало в душе
Откровенным признаньем,
О котором уже
Говорят с пониманьем,
Перекрестки дорог,
Перелески и пашни,
Вспоминая мой долг
И прощая вчерашний...

За бескрылостью дел
Ради черствого хлеба,
Я всего-то хотел
Оглянуться на небо.

В Сочельник

В Сочельник на виолончели
Играет девочка ноктюрн,
А я в потрепанной шинели
Бегу с винтовочкой на штурм.

Да, я игрушечный солдатик,
Забытый кем-то на снегу,
Но у меня отваги хватит,
Чтоб преподать урок врагу!

Садится солнце за горою,
Крепчает к вечеру мороз.
Тревоги я своей не скрою,
И страшно мне уже всерьез.

Виолончель еще играет,
На елке лампочки горят...
А вот и крепость, точно знаю:
В ней вражеский засел отряд.

Ловлю на мушку часового
И, как учили, жму курок,
Но результата никакого —
Я плохо выучил урок.

Меня заметили! Вдогонку
Летят цветные конфетти.
Часы пробили полночь звонко.
Назад дороги не найти...

Качнулись сумерки.
На башне зажглись сигнальные огни.
День канул в прошлое вчерашний,
Грядут Рождественские дни!

Под Рождество

Вот так всегда, под Рождество с подарком
Огромный джип застрянет под окном,
А в зимовье натопят печку жарко
И все за стол усядутся гуртом.

Меня не вспомнят. В этом разве дело?
Есть спирт, и рыба жарится уже.
Густая ель над крышей разомлела,
Но старый кедр стоит настороже.

Закатный луч скользит по перелеску,
Хрипит транзистор на FM-волне,
Огонь в печи проглатывает с треском
Охапку дров, и весело вполне!

Что по четвертой выпито — забыто
(Таежная романтика в чести),
И в тесноте неприбранного быта
Проснутся вряд ли рыбаки к шести.

Село Бычиха

Набычилась Бычиха
И смотрит свысока,
А небо в речке тихо
Купает облака.

Течет себе Уссури,
На солнышке блестит.
Ее в литературе
Прославлю, как пиит.

Прославлю и Бычиху —
Прекрасное село!
О, как здесь было тихо,
Любилось как светло...

Апрель

Вечно заспанный апрель,
Как угрюмый алкоголик.
Он, конечно, очень болен —
Ты мне на слово поверь.

Кофе в чашечку налей,
Наслаждайся ароматом.
Мы живем в режиме штатном —
В общем, все — как у людей.

Сердце билось бы ровней,
Но оно неровно бьется,
Потому, что не сдается,
И любовь моя сильнее!

Зимним вечером

Как-то зимним вечером
Стукнули в окно
Два хмыря и Меченый
С ними заодно.

«Открывай, промерзли мы!» —
Меченый кричит.
Вот такие борзые
Постучались в скит.

Вышел дед с ружбайкою:
«Что, братва, шалишь?!»
Грянул выстрел. Стайкою
Взмыли птицы с крыш.

Рухнул, как подкошенный,
Главный здоровяк,
И заржали лошади.
Хмырь сказал: «Косяк!»

«Мы же по-хорошему,
На ночь, на постоя...»
«Что ж ты, гость непрошенный,
Поднимаешь вой?»

Разве ты не ведаешь,
Что подельник твой...
В общем, дочки Верочки
Нет давно живой.

Вот и поквитался я
За родную дочь.
Вы, братки, на станции
Скоротайте ночь.

То-то ночка снежная,
А в лесу темно...
Спит душа мятежная
Мертвым сном давно».

Немного радости

Псалтырь откроешь,
скажешь — здравствуйте,
Мои родные строчки милые!
Опять февраль по скверу шастает,
А солнце где-то над Курилами.

В такие дни совсем не пишется,
Зато читается с достоинством,
И хочется компота с вишнями
И чтоб с домашними не ссориться.

Но обойдешься чаем с сахаром,
Обиду вышвырнув на улицу.
Пусть по душе прошлись, как трактором,
Не стоит слишком долго хмуриться.

Всего-то надо в жизни суетной
Немного радости о Господе,
Перед постом сходить к заутрене
И у Христа просить о помощи.

Мой век

Мой век — ничем не обделенный,
Сказать «безумный» — не могу,
Все потому, что ветер с кленов
Срывает листья на бегу.

Еще березовые рощи
Под осень очень хороши.
Грибов здесь нет, оно и проще —
У речки тоже ни души.

Вполне привычная картина —
Уже который год подряд
Вода, подернутая тиной,
Выводит только лягушат.

Еще кузнечики стрекочут,
И верещат в саду сверчки...
А ты меня любить не хочешь
Обещанному вопреки.

Но если

Н. Димитрову

Чрезвычайно не хочу показаться странным,
Но, если — «Религия опиум для народа»,
Кто скажет мне, чем лечить душевные раны
И какому царю этот лозунг в угоду?

Вездесущий Никифор Димитров ответит:
«Не вздумайте крест нательный

снимать даже на ночь!

Это во первых строках,
 во вторых и в третьих.
 А лозунг этот, конечно, придумала сволочь.

Бывает, и я в стихах своих выражаюсь,
 Но чтобы додуматься до такого маразма...
 Просто у меня до слова большая жадность,
 Много претензий в строках и сарказма.

Говорят, получается выпрেনно очень,
 Но подавляющее большинство пишет о чем?
 Вы послушайте:

в каждой строке многоточье,
 Слабо написать прямо —
 ты обнажила плечо!»

Этот март

Этот март сволочнее, чем пьяный сапожник,
 Что несет беспросветную чушь поутру,
 Но убить настроенье мое очень сложно —
 Я, как пес, заползаю в свою конуру.

Конурой называется место работы —
 Небольшая каморка вахтера, и тут
 Не всегда наработанный жизненный опыт
 Может быть применен, но его не крадут.

И поэтому незачем тратить нейроны
 И вообще волноваться не стоит о том,
 Что твое благородство, талант твой исконный
 Пригодятся кому-то в пространстве ином.

Да и в этом пределе иллюзий пространных,
 Неизвестно кому подчиненных идей,
 Очень избранных мало,
 зато сколько званых!
 Так что стоит смириться и жить веселей.

К чему бы это — остывший кофе,
 Мерная поступь настенных часов?
 В памяти только любимый профиль,
 Все остальное лишено основ.

Впрочем, четыре главы
Завета От Иоанна уснуть не дают.
Если завтра призовут к ответу,
Не скажешь — хочу побыть еще тут...

Моя страна

Как живешь, страна моя?
С виду вроде бы богато —
Золотая чешуя
Куполов витиевата.

На закате лет своих,
Ощущая холод бездны,
Я молюсь за нас двоих,
Остальное бесполезно.

Не бери меня на понт,
Прокуратор иудейский,
В новом обществе господ
Я на должности лакейской.

Видно, каждому свое...
За Отечество обидно!
Разлеталось воронье,
Света белого не видно.

Всё равно

Ноябрь кончился внезапно,
И закуделилась зима.
С каким-то бешеным азартом
Скатилось солнце за дома.

У времени своя обида,
И в пять уже почти темно,
А город не подаст и вида —
Ему, как видно, все равно.

От равнодушия застыли
По белым скверам тополя.
Декабрь вновь расправил крылья,
И ропщет стылая земля.

